

ЯЗЫК СЛОМАЕШЬ...

Не такие
уже это
мелочи

Л. МАЛЮГИН

ЕЩЕ задолго до рождения ребенка родители выбирают ему имя, советуясь с родственниками и друзьями. Дело не шуточное — ведь имя дается на всю жизнь! Если бы с такой же заботой и дальновидностью придумывали имена для учреждений и организаций!

Я прочел недавно об институте, занимающемся хирургической аппаратурой. Называется он так — НИИЭХАИ. Очеркист считает это название мудреным, видимо, из уважения к институту, но его, это название, нельзя не признать нелепым, бессмысленным. Его придумали чиновники: им удобнее такое сокращение писать в бумагах. О том, что его неудобно, вернее, невозможно произносить, они не подумали.

Недавно в «Труде» писалося о львовской коиторе «Электрорадиоприборснабсбыт». Разумеется, было бы глупо вообще возражать против сокращений, многие из них, такие, как сберкасса или колхоз, тюз или вуз, прочно вошли в обиход. Но сокращение, о котором говорю, — иллюзорное: пять слов, соединенных в одно, образуют громоздкую конструкцию, которую никто не в состоянии ни выговорить, ни запомнить.

В Москве есть институт, именуемый ГИТИСом. Расшифровывается это так: Государственный институт театрального искусства. Слово «государственный» не нужно, ибо частных институтов у нас нет, лишнее здесь и слово «искусство». Не лучше ли заменить ГИТИС — Театральным институтом (как, кстати, называется вуз в Ленинграде)?

И насколько лучше звучал бы киноинститут вместо загадочного ВГИКа.

Существует в Москве учреждение под шифрованным названием ЦГАЛИ. Все называют его «Литературный архив». Так называется троллейбусная остановка. Когда звонят из этого учреждения, никогда не скажут — «говорят из ЦГАЛИ», а всегда говорят «из Литературного архива». Зачем же существует название, которое никто не употребляет?

В Министерстве культуры РСФСР существует организация, которая руководит искусством. Она называется удивительно громоздко и уж очень не художественно — «Главное управление по делам искусств». Но ведь прозаическое «по делам» никак не монтируется со словом «искусство»! А «управление по делам» — это не только громоздко, но и просто безграмотно! Но «управление по делам» родилось давно, еще до революции, к нему привыкли и не замечают его нелепости. «ОБХСС» часто встречается в печати, но ругаюсь, что большинство читателей не сможет расшифровать это название.

Не радует новое словообразование «ЖЭК». «Домком» лучше, чем ЖЭК, — чуть-чуть длиннее, но понятнее, а главное, похоже на человеческое слово.

Был в Москве когда-то Нескучный сад. Сейчас он называется Центральным парком культуры и отдыха — вместо двух слов стало пять. Неизвестно, кто назвал сад Нескучным, но, видимо, это был веселый человек, с воображением. Второе название придумал бюрократ, тоже, к сожалению, пожелав-

ший остаться неизвестным. Как приятно пригласить девушку в Нескучный сад или просто в Нескучный, и буквально язык не поворачивается позвать ее в Центральный парк культуры и отдыха. Можно, правда, пригласить ее в ЦЕПЕКАО, но от этого немногим легче. Ленинградцы раньше ездили гулять на острова, или на Елагин, на Крестовский, а теперь тоже ездят в ЦЕПЕКАО.

ЦЕПЕКАО существуют во всех городах. Называются они в обиходе парками. Не пора ли отменить громоздкие неупотребительные названия?

Название «Центральный парк культуры и отдыха» не только громоздко. Оно бессмысленно. Почему парк центральный? Он находится не в центре и не имеет филиалов в районах. Что такое — парк культуры и отдыха? Какой еще может быть парк? Работы? Учения?

Как важно быть центральным!

Долгое время в Москве существовал клуб писателей. Сейчас он называется — «Центральный Дом литераторов».

Слово «литератор» звучит скромнее, чем «писатель», но оно, к сожалению, почти не употребляется в разговорном языке. И организация называется — «Союз писателей». Союз писателей, а Дом — литераторов, нелогично!

Название «Центральный Дом литераторов» родилось, конечно, не из скромности. Наоборот, дом ведь звучит солиднее, чем клуб. И Центральный! Почему центральный — непонятно! Это центр, не имеющий периферии; в районах филиалов писательского клуба нет, а клубы в других городах не подчиняются московскому. Просто клуб писателей «повысили в чине».

Еще более странным кажется название «Центральный Дом актера» — ибо у клуба артистов не только нет ничего центрального, но нет даже дома — только этаж. Как бы мило и уютно называться ему «клуб артистов», но он не хочет от работников искусств, композиторов, архитекторов, журналистов, которые все обзавелись домами, и, разумеется, центральными.

Детский театр называется Центральным, а стоящий против него театр — просто Малым, хотя у Малого театра все же несколько больше оснований именоваться центральным — у него есть филиал. Художественный театр одно время имел несколько студий и был по существу центральным. Однако его руководителям в голову не приходило приклеивать к художественному организму ведомственное слово «центральный».

В Москве долгое время существовал Центральный театр транспорта — от такого названия веяло холодом. Казалось, что в такой театр должны ходить только транзитные зрители, бывающие время в ожидании поезда. Сейчас этот театр называется имени Гоголя — в него хочется пойти и обыкновенному зрителю.

Такое веселое место, как кукольный театр, тоже стали

именовать «центральным». Правда, это только пишется — «Центральный театр кукол», а говорят: «Пойдем к Образцову!».

Мы чтим имя Горького — великого писателя и человека, жизнь которого была подвигом. И это высокое имя с гордостью носят города, предприятия, институты, театры, пароходы.

Но можно ли считать правильным, что чуть ли не в каждом городе парк называется именем Горького? Даже в тех городах, где Горький не бывал ни разу в жизни?

Сейчас начинают отходить от шаблона — появились театры имени Гоголя, Комиссаржевской. В то же время у нас нет ни одного театра, носящего имя Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Крылова, Алексея Толстого или Тренева.

Дома новые, а предрассудки старые!

Радуешься, когда в новом доме открываются ясли или детсады. И огорчаешься, что учреждению для малышей присваивается не имя, а номер.

Жизнь человека идет от номера к номеру. Ясли номер такой-то, потом детсад номер такой-то, потом школа номер такой-то. Потом человек записывается в библиотеку за определенным номером, ходит обедать в столовую под таким-то номером.

Не слишком ли много мы заномеровали?

Могут сказать, что в крупных городах слишком много школ и библиотек — хватит ли для всех названий? Но ведь улиц в любом городе тоже очень много, однако для них находят названия.

Конечно, организациям удобнее иметь дело с номерами, а не с названиями. Но широким массам приятнее имена, чем цифра. В Нью-Йорке, как известно, заномерованы все улицы, и это, вероятно, удобно с деловой точки зрения. Но это удивительно скучно, и недаром этот пример Нью-Йорка не нашел подражания в городах других стран.

Сменив цифры на имена, мы не только избавимся от унылого однообразия, но и увековечим многих людей, послуживших нашей Родине. Существует огромное количество людей, имена которых, может, и не переживут века, но которые внесли свой вклад в историю нашей страны и заслуживают увековечения. В Москве недавно появились улицы имени Танеевых, Палиашвили, Остужева и многих других, имена которых необходимо сохранить в памяти потомков.

Надо заменить казенные, громоздкие, скучные названия. К этому делу надо отнестись серьезно и не решать его скоропалительно — посоветоваться с населением, привлечь к этому писателей.